

СКАЗКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЛЕКСАНДР ПЕРЕВЯЗКИН

Александр Перевязкин

Сказка

<https://litres.ru/73741142>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они пришли за сказкой. За чистой, доброй, детской. За лесом, который шепчет на ухо древние тайны.

Лес ответил.

Пятеро туристов отправляются в глушь Саратовской области за хайпом, красивыми сторис и «энергией предков». Вместо этого они находят поляну с ягодами, которые пахнут мармеладом, а внутри кишат червями. Ночью к костру выходит старик с бородой из мха, гнилыми глазами и голосом доброго дедушки. Он обещает показать дорогу домой. Плата одна — послушать сказку.

Сказку о том, как медведь берёт девочек в жёны.

О том, как братец пьёт из копытца и становится козлёнком.

О том, как сказка не кончается никогда.

Лёня и Соня — единственные, кто пытается понять правила этой игры. Но в лесу свои законы. А сказка, которую рассказывает старик, уже начала сбываться.

«Сказка» — это фолк-хоррор с мясом и атмосферой, завернутый в обёртку русских народных сказок. Страшно, грязно, невыносимо вкусно. Открой книгу. Но лучше — не на ночь.

Содержание

Благодарность	4
ЧАСТЬ 1: «Жили-были...»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Перевязкин

Сказка

Благодарность

Эта книга родилась в тишине саратовских лесов, где воздух гуще, чем в любом городе, а тишина — громче, чем любой крик.

Моей жене Ларисе, которая родилась в этой земле, дышала этим воздухом, пила воду из местных родников и знает, почему нельзя ходить в лес поодиночке после заката. Ты показала мне тропы, о которых не пишут в туристических буклетах. Ты научила меня слушать не только птиц, но и то, что прячется между их голосами. Спасибо, что не испугалась, когда я начал записывать эти истории. Спасибо, что до сих пор со мной. И прости за те ночи, когда я просыпался и прислушивался к шороху за окном — это просто ветер, я знаю. Просто ветер.

Жителям Саратовской области — тем, кто ещё помнит, почему на Лысые горы не ходят в полнолуние, почему в бане после полуночи нельзя париться одному и почему гостинцы на опушке оставляют не для енотов. Спасибо, что делились своими историями сквозь недоверчивые взгляды, что говорили шёпотом, оглядываясь на дверь, и всё же говорили. Я

записал не всё. Многого вы не рассказали. Я благодарен вам и за это — потому что страшнее всего то, что остаётся за кадром.

Изучателям фольклора — тем, кто годами собирал по крупницам сказания, которые городские называют «бабкиными сказками». Вы знаете, что сказки не лгут. Они просто говорят на языке, который мы разучились понимать. Спасибо за ваш труд. Надеюсь, моя книга не оскорбит тех, кто хранит настоящее знание.

И наконец — тем, кого я упомянул в этой книге, но чьих имён не назвал. Домовым, которые скребутся за печкой, когда в доме всё спокойно. Лешим, чьи тропы ведут туда, откуда не возвращаются. Кикиморам, чей смех в болотных огоньках слышали все, кто когда-либо ночевал у воды. Всем существам, что населяют саратовские леса, поля, овраги и старые рощи.

Спасибо, что не тронули нас, когда мы бродили по вашим владениям. Спасибо, что позволили записать ваши сказки. Если я где-то ошибся, переврал или не так понял — простите. Это была не злая воля, а человеческая глупость. А глупых, говорят, вы прощаете. Или нет?

Пожалуйста, не приходите проверять.

Александр Перевязкин

Саратов — Москва

2024–2026

ЧАСТЬ 1: «Жили-были...»

Жили-были пять дураков, которые решили, что лес их любит.

Дима ехал за рулем своего «Патриота» и вещал. Голос у него был поставленный, сочный, как переспелый помидор, который вот-вот брызнет семечками. Он вещал про энергию предков, про силу рода, про то, как важно дышать маткой и слушать шепот деревьев. Алиса сидела рядом, подставляла лицо ветру из приоткрытого окна и ловила идеальный свет для сторис. Она уже прикидывала фильтр: «Лето в лесу» или «Загадочный лес»? Пахан, который вел машину на самом деле (потому что у Димы не было прав, только «осознанность»), молча жевал «Беломор». Он молчал уже три часа, и это молчание весило больше, чем весь багажник, забитый палатками и крафтовыми кружками.

— Пахан, а ты сам-то часто в лес ходишь? — спросил Лёня с заднего сиденья. Лёня был студент, тощий, с диктофоном на шее, похожий на голодного комара. Рядом с ним Соня записывала в блокнот всё, что видела за окном: березы, столбы, указатель «Лысые Горы — 12 км».

Пахан сплюнул в окошко. Табак повис на ветровом стекле и пополз вниз жирной каплей.

— Хожу. По делу.

— А легенды местные знаешь? — Лёня подался вперед, диктофон задел спинку сиденья. — Про леших, кикимор? Бабки в области рассказывают, что в этих лесах тропинки сами собой складываются в узоры. Типа мандалы. И если по ним пройти — в другой мир попадешь.

Пахан глянул в зеркало заднего вида. Глаза у него были такие, будто он уже всё видел и ничего нового не ждет.

— Бабки, — сказал он. — Бабки много чего расскажут, лишь бы ты от них отвалил и водки им купил. А лес — он просто лес. Грибы там, ягоды. Звери.

— А люди пропадают? — Соня подняла голову от блокнота.

Пахан вздохнул, будто разговор ему надоел смертельно. Нажал на газ, обогнал фуру с мясом, от которой несло тухлятиной даже сквозь закрытые окна.

— Пропадают, — сказал он. — Если дураки. Которые в мандалы эти лезут, а не за грибами. Я вас до опушки довезу, а дальше — сами. Там заповедник, мне нельзя. Гнездо там. Лешего гнездо. Кто сунется — яйца оторвут и в мох закапают. Не в прямом смысле, но... хотя в каком смысле — хер его знает. Я туда не ходок.

— Чье гнездо? — Алиса оторвалась от телефона.

Но Пахан только рукой махнул. Мол, не мое дело, ваши проблемы.

Опушка встретила их тишиной. Такой плотной, что уши закладывало — будто ваты натолкали, только вата эта гни-

лая, пахнет землей и чем-то сладким, приторным, как дешевый сироп от кашля, которым мать в детстве поила, а тебя потом рвало. Солнце висело над лесом, ленивое, августовское, и лучи падали сквозь листву — нет, не монетами, а желтыми пятнами, как трупные, на синяках. Птицы перекликались — красиво, мелодично, только Лёня насторожился: слишком уж ритмично, слишком похоже на слова. Ему показалось, одна птица отчетливо выговорила: «Сюда-а-а». А вторая ответила: «Иду-у-у».

— Слышал? — спросил он у Сони.

— Птички, — отмахнулась она. — Красота какая!

Пахан выгрузил рюкзаки, получил свои пять тысяч, кивнул на прощание и уехал, даже не обернувшись. Колеса «буханки» взрыли песок, и когда пыль осела, туристы остались одни.

Лес стоял стеной. Темный, зеленый, манящий. Изнутри тянуло сыростью, прелью и еще чем-то — живым, дыхательным, будто там кто-то большой и терпеливый ждал, когда гости сами зайдут, чтобы не вставать с места.

— Ну что, команда, — Дима расправил плечи, вдохнул полной грудью. — Нас ждут приключения! Включаем осознанность, чувствуем связь с природой. Пошли! Главное — мыслить позитивно. Мысли материальны. Если мы будем думать о хорошем, лес нам улыбнется.

— Лес тебе в жопу улыбнется, — буркнул Лёня, но так, чтобы никто не услышал.

Они вошли под своды деревьев, и сразу стало прохладнее, почти зябко. Ноги утопали во мху, пахло прелью, грибами и тем самым сладковатым запахом, который Лёня уловил на опушке — только теперь он стал гуще, навязчивее, лип к нёбу, как сопли.

Через полчаса вышли на поляну. Солнце здесь пробивалось пятнами, и в одном из пятен, в самом центре, рос куст. Невысокий, корявый, усыпанный крупными ягодами. Ягоды были красные, налитые, похожие на бруснику, но больше. Глянцево блестели, будто их лаком покрыли. И пахли — приторно-сладко, как переспелая клубника, только с ноткой чего-то тухлого, едва уловимой, как запах из мусорки в жаркий день.

— О, ягоды! — Алиса рванула вперед, телефон наготове. Села на корточки, щелкнула куст, потом себя на фоне куста. — Дима, это черника?

— Не черника, — Лёня нахмурился. — Я такие не знаю. Не ешь, Алис, мало ли.

— Ага, сейчас, — Алиса уже сорвала горсть, закинула в рот. Сок брызнул, потек по подбородку ярко-красным, похожим на кровь, только жиже, водянистее. — М-м, сладкие! Как мармелад! Сонь, попробуй!

Соня покачала головой. Лёня достал диктофон, записал: «Неопознанные ягоды, крупные, красные, растут кустом. Местные виды...» Алиса ела и ела, набивая рот, сок капал на футболку, растекался по белой ткани розовыми пятнами, по-

хожими на лишай. Дима смотрел на нее с умилением: «Молодец, девочка, питаешься энергией леса».

Через пять минут Алиса побледнела.

— Что-то мне... того... — она схватилась за живот. Лицо пошло пятнами, серыми, как старая зола. — Живот скрутило.

— Переела просто, — успокоил Дима. — Кислотность. Подыши, представь, что внутри тебя свет.

— Какой свет, блядь? — Алису согнуло пополам.

Ее вырвало. Прямо на мох, на красивые ягодные кустики. Блевотина была черной, густой, с пузырями, которые лопались с тихим чваканьем, и в ней — шевеление. Лёня отшатнулся, Соня вскрикнула. Из рвоты выползали черви. Толстые, белые, с розовыми головками — такие бывают в протухшем мясе, если оставить на солнце на недельку. Они извивались, ввинчивались в мох и мгновенно исчезали, оставляя после себя дырочки, из которых сочилась сукровица.

— Что за херня? — выдохнул Лёня.

Алису вырвало снова. Она стояла на четвереньках, и из нее хлестало уже жидким, коричневым, с прожилками крови, с комками слизи, с непереваренными кусками тех самых ягод — они выходили целыми, только сморщенными, как старческие пальцы. Штаны мгновенно промокли, по ногам потекло теплое, вонючее, густое, как заварной крем, только коричневое и с кислым запахом протухшей капусты. Она заорала:

— Помогите! Я обосралась! Я вся обосралась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.